

Кружков

Андрей

ЮМ ХОСА

Эпизоды из культурной
жизни в 2-х действиях

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Эдуардович Кружнов

Люди хаоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42248844

SelfPub; 2019

Аннотация

Директор филармонии воюет с целым коллективом, чтобы остаться в кресле. Он объединяется с замом, художником и главбухом, чтобы выиграть эту битву. Подкупы, интриги, финансовые махинации – все орудия современной бюрократии в борьбе за свою кормушку. Элементы сатиры и гротеска. Содержит нецензурную брань.

Люди хаоса

(Эпизоды из культурной жизни в 2-х действиях)

Действующие лица:

ШУМЯКИН АЗАП КАЛИНОВИЧ, директор филармонии, 50-55 лет;

КОРОБОВ ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, заместитель директора филармонии, 40-45 лет;

ПОДГУЗЛО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, художественный руководитель филармонии, 65-70 лет;

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА, главбух филармонии, 40-45 лет;

БОЖКО СЕМЁН АРКАДЬЕВИЧ, музыкант филармонии, 40-45 лет;

ДУГОВА КАРИНА ВИКТОРОВНА, певица филармонии, 45-50 лет.

Места действия: кабинет директора, фойе библиотеки
– всё происходит внутри областной научной библиотеки.

Первое действие

Кабинет директора филармонии: вдоль стен шкафы с книгами в академических переплётах, в широких промежутках между шкафами на стенах висят всевозможные грамоты, награды в виде скрипичных ключей и бронзовые виолончели с застывшими на них смычками, золотой диск неестественных размеров, афиши известных музыкантов – звёзд ушедших лет. Создаётся впечатление, что кто-то насильно объединил научно-образовательное учреждение и развлекательное. Так и есть. Филармония в виду затянувшегося на несколько лет ремонта обосновалась в областной научной библиотеке. Жалюзи закрывают окно, поэтому понять погоду снаружи невозможно. В углу, под длинным подоконником, стоит несгораемый сейф.

Возле полукруглого директорского стола сбоку притулилась Любовь Васильевна: это слегка полноватая женщина с широкими бёдрами, сейчас шея её вытянута, как у болотной цапли, которая прислушивается к тому, что творится вокруг. Она тянет руку к сотовому телефону, который лежит перед ней на столе, затем отдёргивает руку и смотрит на часы. И так несколько раз.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, скорей бы всё за-

КОНЧИЛОСЬ.

Наконец-то из телефона раздаётся рингтон с популярной эстрадной мелодией Trololov исполнении Эдуарда Хилья. Любовь Васильевна нарочито медленно поднимает трубку. Говорит, растягивая слова.

Да, Азап Калиныч, слушаю вас... Всё хорошо?.. Ещё на год. Ну и слава богу... Да-да, будем ждать, как говорится, с флагами и цветами. *(Кладёт трубку и крестится.)* Господи, сколько ж нервов из-за этой!..

Любовь Васильевна достаёт из шкафа статуэтку поющего Орфея с кифарой, ставит на стол вазу с искусственными цветами, расставляет вокруг канцелярские приборы, но ей всё время что-то не нравится.

Да что ж всё гадость какая-то выходит?..

В приоткрытую дверь просовывается голова Коробова, заместителя директора. Коробов часто говорит скороговоркой, словно боится, что его перебьют или заткнут ему рот, но умственной энергии на длинный монолог не хватает, поэтому говорит с внезапными затыками. Он полноват и неряшлив. Любовь Васильевна наоборот старается говорить протяжно и завораживающе, будто пытается вас за-

гипнотизировать или околдовать.

КОРОБОВ. Звонил?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Только что.

КОРОБОВ. Ну?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Всё хорошо. Договор продлили ещё на год. Просил встречать его с песнями и с флагом.

КОРОБОВ (*мотнув головой*). Во как.

Коробов тут же исчезает. Любовь Васильевна достаёт спрятанный между книг портрет директора филармонии в рамке с подставкой и аккуратно ставит его на стол.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*напевая*). «Дурманом сладким веяло, когда цвели сады, когда однажды вечером в любви признался ты...»

Снова входит Коробов, но уже с бутылкой шампанского и большим цветочным тортом в прозрачной коробке. Несколько секунд он молча смотрит на работу Любовь Васильевны.

КОРОБОВ. Люб, ты охренела, что ли!.. Ещё чёрную ленточку прицепи сбоку. (*Ставит торт с шампанским на стол, и убирает портрет директора снова в книги.*) Дирек-

тора, блин, назначили на место директора, в смысле, на старое место... Оставили, блин. А у тебя тут проводы генсека в кремлёвском зале.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Как-то вы быстро до магазина...

КОРОБОВ. Я заранее купил. Загадал – если куплю, значит, директора оставят... Не то что вы, пораженцы.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, не обижайте меня.

КОРОБОВ. Ладно-ладно... Поставь торт куда-нить, попрохладней...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Попрохладней. Тут даже холодильника нету.

КОРОБОВ. А к директору библиотеки нельзя, что ли? Ты как главбух к ней...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. По-моему, она нас ненавидит.

КОРОБОВ. Блин, когда уже эту филармонию отремонтируют... *(Выдвигает ящики у стола и что-то ищет.)* Шесть лет в этом книгохранилище, как черви... Баянист говорит: «А где мне репетировать?» Библиотекари шипят как змеи – тиш-ш-ше! читальный зал! Додумались – филармонию в библиотеку всунули, лучше бы они палец в одно место... Люба, чё над душой стоишь?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я хочу понять, что вы ищите в столе Азап Калиныча.

КОРОБОВ. Да папку ему приносил. Забрать забыл... Там проект об этом... эффективное использование площадей в новой филармонии.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я думаю, Азап Калиныч скоро вернётся. В министерстве культуры сейчас не банкетуются.

КОРОБОВ. Какое министерство – управление культуры-мультикультуры драное. Как этого повара поставили начальником – всё! Трындец!.. Матом не могу при женщине... Может, в шкаф куда сунул?.. *(Открывает шкаф и смотрит между книг.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, вы заместитель директора и должны держать себя в руках.

КОРОБОВ. Только и делаю, что держу в руках себя. Ни микрофонов, ни аппаратуры – не филармония, а прачечная.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Почему же прачечная?

КОРОБОВ. Потому что как в анекдоте – слышала? По телефону звонят в Министерство культуры: «Это прачечная?» – «Срачечная! Министерство культуры, йошкоро мать!»

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ах, Витал Талыч, несдержанность вас когда-нибудь подведёт.

КОРОБОВ. О, нашёл, кажись!.. *(Достает из шкафа полиэтиленовую папку в цветочек. Смотрит внутрь.)* Ноты какие-то... Бумаги не мои, а папка моя.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Таких папок в школьных то-

варах – полно.

Во входную дверь просовывается всклокоченная голова Семёна. Лицо у него имеет унылый вид, а глаза смотрят жалостливо, как у побитой собаки.

СЕМЁН (зовёт Коробова). Виталик. (Замечает Любовь Васильну.) Витал Талыч, можно вас на секундочку?

КОРОБОВ (недовольно вскидывая брови). Куда на секундочку – по углам шарахаться? Говори тут – в рабочее время я только рабочими вопросами занимаюсь... (Взглянув на Любовь Васильну.) Если по личному вопросу, в обед подойдешь.

СЕМЁН. Да я это... (Мнётся.) Может, перезвоню тогда, а?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, я пойду яблочки порежу с лимончиком... (Демонстративно здоровается с Семёном и направляется к двери.) Добрый день, Семён Аркадич!

Любовь Васильевна уходит, а Семён плотно закрывает за ней дверь.

КОРОБОВ. Ты охренел, что ли?.. Блин, голову проверь... (Подходит к двери и слушает нет ли кого за дверью.) При Любе с такими вопросами лезешь. Ты знаешь, что её

директор ...? (*Издаёт свистящий звук.*)

СЕМЁН. Да уж вся филармония знает. Главбух с директором – одно целое. У всех так.

КОРОБОВ. Не умничай. Дебилы...

СЕМЁН. Виталик, меня Дугова хочет из бригады выгнать. Помоги, а.

КОРОБОВ. Помочь выгнать?

СЕМЁН. Ты чё, куда ж я пойду с баяном – на паперть, что ли?

КОРОБОВ. А нехер пить в рабочее время. Ты почему концерт сорвал? Тебя утром автобус с бригадой музыкантов полтора часа ждал – ты чё трубку не поднимал, партизан хренов?

СЕМЁН. Виталик, ей-богу, в три часа только уснул. Всю ночь колотило. Нервы сдают.

КОРОБОВ. Зачем вечером бухаешь, если утром концерт?! Нетерпёж, что ли? Иди в наркологию, прокапайся.

СЕМЁН. Да я на нервах был. Со своей бывшей встретился... За квартиру стали перетирать, обмен там, трали-вали... Угрожать стала: ну, в суд подам, если не разменяешь квартиру, всё такое... Меня прямо вот так всего внутри затрясло!.. Заколотило прям...

Семён показывает, как его стало трясти от нервов, на что Коробов смотрит с недоверием и усталостью.

КОРОБОВ. Семён, ты чё думаешь, мы баяниста не найдём? Я вон щас свисну – пол-оркестра прибежит устраиваться. Ты уже задолбал пьянками, мать бы пожалел. Если б не тётя Клава, я б тебя уже давно выкинул к чёртовой матери.

СЕМЁН. Виталик, по-родственному, войди в положение. Просто жизнь как-то вот перевернула всё... не знаешь за что схватиться.

КОРОБОВ. За воздух держись. Чё там Дугова про директора говорит?

СЕМЁН. Да так...

КОРОБОВ. Ты не такой, говори, как есть.

СЕМЁН. Злится, что директор звание для неё тормозит.

КОРОБОВ. Грозилась?

СЕМЁН. А чего грозиться-то, у него через месяц контракт кончается. Подожду, говорит, другой директор заслуженную даст.

КОРОБОВ. Теперь не даст. Калинычу контракт ещё на год продлили.

СЕМЁН *(машинально)*. Ух ё!.. *(Спохватившись.)* Поздравляю.

КОРОБОВ. Так что смекай, чё шефу скажешь. Про своё будущее. Я тебе, Семён, конечно, как родственнику помогаю, но у меня уже аргументы кончились... Знаешь, вот чувствую себя, как маленький засранец, который по карманам мелочь натырил, а его застучали. И чего говорить – вообще непонятно!.. *(Смотрит Семёну в глаза.)* Ну, чё у тебя глаза

красные? Бухал вчера? Только врать не надо.

СЕМЁН. Клянусь – ни грамма! Могу даже дыхнуть. Хы!..

Семён дышит Коробову в лицо, тот морщится и отворачивается.

КОРОБОВ. Семён, блин!.. Ты чеснок лопатой жрёшь, что ли? Специально, блин?

СЕМЁН (*сдерживая улыбку*). Виталик, это я для профилактики. Осень, блин. Насморк, блин.

Коробов взрывается и кричит Семёну в лицо, размахивая руками и краснея от натуги, но всё равно это выглядит как-то неестественно.

КОРОБОВ. Издеваешься, что ли? Да я тебя, гад, шас в порошок сотру! Ты у меня, падлюка, будешь землю носом рыть!.. Я тебя вышвырну с работы, блин!.. Ты у меня, блин, кверху какой скакать по улице Будённого будешь!.. Ты, блин, чё щеришься, Семён?!

Семён и вправду криво улыбается одним уголком рта.

СЕМЁН. Виталик, ты чё блинкаешь, как школьник? Заряди по полной, трёхэтажным. У тебя классно получается.

КОРОБОВ (*махнув на него рукой*). Да иди ты... в рошу!

Материться отучаюсь. Жена говорит, я уже не замечаю, когда мат вставляю. Вот, блин, контролирую. Херня, конечно, полная...

Коробов достаёт из грудного кармана плоскую фляжку, отворачивает железный стаканчик в виде крышки, наливает туда из фляжки и быстро выпивает.

Очч классная штука!.. *(Стучит пальцами по фляжке.)* Весь день в тонусе, и никто знать не знает. Говорят, Николай Второй тайком от царицы тоже коньячок из фляжечки посащывал. Хочешь?

СЕМЁН. А чё же.

КОРОБОВ. Из моих рук только...

Коробов поднимает вверх фляжку и поит Семёна, который машинально тянет к ней руки.

Руки, говорю!.. *(Убирает фляжку.)* Хорошего помаленьку.

СЕМЁН *(крякнув от удовольствия).* Силён!.. *(Кивает на фляжку.)* У меня есть такая же.

КОРОБОВ. Только не вздумай – «такая же»! Мне перед зрителем не выступать. Я в кабинете могу закрыться и хоть спать ложиться. Мне баян не растягивать.

СЕМЁН. Понятно.

КОРОБОВ. А мне вот не понятно, что с тобой делать. Шеф придёт, пусть сам с тобой разбирается. Мне уже, честно говоря, вся эта бодряга во где сидит!.. *(Проводит себе по горлу ребром ладони.)* Иди давай.

Семён направляется к двери на выход.

В общем, я тебя постараюсь вытащить. Надо будет кое-какую реорганизацию сострять. Только никому об этом... А если я что-то попрошу, ты, Семён, не сопротивляйся, а делай. Понял?

СЕМЁН *(улыбаясь)*. Есть не сопротивляться. Побить, что ли, кого?

КОРОБОВ. Ага – убить. В новой филармонии проект буду продвигать. Очень денежный. На чужих людей полагаться опасно, а ты вроде как свой. Свой?

СЕМЁН. Конечно, свой. Тут без разговоров... Ладно, пока. *(Уходит.)*

Коробов делает глоток из фляжки, но тут же прячет в карман, потому что открывается дверь и в проём просовывается голова художественного руководителя Подгуз-ло. Лысый, с крючковатым носом и выпученными глазами, острый подбородок торчит вперёд – он похож на какого-то сказочного колдуна или чародея. Говорит быстро, но тоже часто тормозится во время речи, кружит на месте, словно

лищица, потерявшая след.

ПОДГУЗЛО. Ой, я на секундочку. Хотел узнать у Азап Калиныча, как дела его многотрудные?..

КОРОБОВ. Всё нормально, контракт ещё на год...

ПОДГУЗЛО. Я сердцем чувствовал – всё будет замечательно.

КОРОБОВ. Да ладно – сердцем. У меня б жена в управлении культуры сидела, я бы все новости первый знал.

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, это закрытая информация. Я подарочек прикупил, конечно. Приметы, знаете ли...

Подгузло протискивается в дверь, словно её кто-то держит снаружи. В руках у него подарочный пакет.

Думаю, куплю – оставят директора, а не куплю... От художественного руководителя, как говорится, от чистого сердца и для больших надежд на будущее...

Худрук протягивает пакет Коробову. Тот заглядывает внутрь и вытягивает оттуда бутылку коньяка, а сам пакет ставит под стол.

КОРОБОВ. Армянский. Вери гуд. На видное место. (Ставит коньяк на стол возле портрета.) Как придёт, так и приступим... Чё у вас там с Божко случилось?

ПОДГУЗЛО. С Семёном? Он же от вас вышел... Я думал, он проинформировал.

КОРОБОВ. Ну, он мне свою версию рассказал. Вы свою расскажите. Я чувствую, этот клубок так просто не распутать.

ПОДГУЗЛО. Да нет, всё элементарно, Витал Талыч. Вчера бригада музыкантов с Кариной Дуговой ждала его час двадцать в автобусе. Все волновались, звонили ему, но он не брал трубку, понимаете, на звонки не отвечал... Что случилось – непонятно. В результате пришлось отменить концерт. Мда, неадекватная ситуация.

КОРОБОВ. Главбух говорила, сколько мы денег из-за сорванного концерта потеряли? Сколько зрителям вернули?

ПОДГУЗЛО. Я думаю, где-то около...

КОРОБОВ (*перебивая*). Не надо думать, надо точно знать. А вы что предлагаете?

ПОДГУЗЛО. По поводу чего?

КОРОБОВ. Инцидента. Чё с Семёном делать будем? Увольнять?

ПОДГУЗЛО. Ну-у... Ситуация, конечно, серьёзная, я бы даже сказал экстраординарная... Карина Дугова отказывается с ним работать. Говорит, это уже второй случай. Первый раз ему простили, скрыли, как говорится, а вот сейчас вся бригада музыкантов настроена очень агрессивно.

КОРОБОВ. Бригада музыкантов – не смешите меня. Певица, баянист, гитарист и ведущий. Из этой бригады можно

только Дугову оставить как певицу и Семёна как баяниста – остальных на стройку!

ПОДГУЗЛО. Ну, они совершенствуются...

КОРОБОВ. Ага, пусть на сигарной фабрике пальцы совершенствуют. Гитаристу руки отрубить за такую игру. Пацаны в подворотне лучше играют.

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, Игорь Иванович учебник написал о технике игры на гитаре. Доцент в нашем университете.

КОРОБОВ (*морщась*). Николай Васильч, давайте вот это фуфло здесь не будем... Все мы знаем, как это делается. Я могу профессором стать по игре в бубен. Легко. Просто время на это тратить жалко. И денег жалко всяким прохиндеям дарить.

ПОДГУЗЛО. Ну хорошо. Как скажете.

КОРОБОВ. А этот, ведущий, он же толще меня в пять раз. Как он может концерты вести? Ему надо на кулинарных шоу работать. Как зритель после такой ряхи может слушать лирическую песню? «Шеф-повар влюбился», да? Как хотите, это не бригада музыкантов.

ПОДГУЗЛО. Ну, Витал Талыч, на такую зарплату как бы не каждый покусится. Практически полставки платим.

КОРОБОВ. Слушайте, вы художественный руководитель... За такие деньги люди на стройке вкалывают – и в зной, и в стужу. А эти дармоеды в тепле на сцене ваньку валяют.

ПОДГУЗЛО. Нет, я просто говорю, если мы кого-то уво-

лим, найти замену трудно...

КОРОБОВ. Зачем увольнять, всё гораздо проще, из одной бригады сделаем две. В одной – гитарист с ведущим, в другой – баянист с певицей.

Худрук явно шокирован услышанным, он вытирает платком лысину, кричит и покашливает.

ПОДГУЗЛО. Ну, как бы... Певица без ведущего... Народ не поймёт.

КОРОБОВ. Пусть баянист объявляет, язык у Семёна работает дай дорогу. А ведущий пусть с гитаристом на ложках стучит, какие-нибудь народные мелодии... Оптимизировать надо, деньги экономить.

ПОДГУЗЛО. А как с инцидентом быть?

КОРОБОВ. Никак. В связи с реорганизацией бригады уволить никого не можем. В качестве наказания выговор Семёну объявим – с занесением в грудную клетку. *(Делает удар в воздух.)* Шутка.

ПОДГУЗЛО. Ну да, уже как бы действенная мера... Но боюсь, Дугова начнёт бузить, они с Семёном на ножах.

КОРОБОВ. Ну, бузить начнёт, скажете, пусть одна ездит без баяна и без ведущего. Сольная программа – сама себя объявляет и поёт под минусовки – сама будет за кулисы бегать музыку включать. Посмотрим, как она закружится.

ПОДГУЗЛО. Витал Талыч, это может плачевно закон-

чится. Я имею в виду не для вас, конечно, для филармонии. Вы же знаете, Карина как бы человек конфликтный, несдержанный, чуть что может заваруху устроить. Вы же помните, как она в прошлом году коллективную жалобу грозилась написать в Москву, в министерство культуры. В коллективе её поддерживают как бы.

КОРОБОВ. Ключевое слово «как бы». Нет у нас никакого коллектива, есть сброд алкоголиков, недоумков и всяких истеричек, которые возомнили себя звёздами. Я прав?

ПОДГУЗЛО. Ну, в какой-то степени... Просто не хотелось как бы внештатных ситуаций...

КОРОБОВ. Николай Василич, вы сколько у нас получаете?

ПОДГУЗЛО. Ну...

КОРОБОВ. Сорок тысяч. На полставки. А музыканты сколько на полной? Двадцать тысяч. У вас ещё грант от администрации пятнадцать тысяч. Потом премия. Льготы как заслуженному работнику культуры. Я уж не говорю, что вы в универе на должности профессора числитесь. У нас ещё как руководитель оркестра народных инструментов. Плюс почётный гражданин города – тоже надбавки и льготы. Лауреат какой-то там премии Министерства культуры. Депутат областной Думы... Ну? Стольник набегает? Двести? Больше?..

ПОДГУЗЛО. Какое это имеет отношение к данному разговору? Ей-богу, Витал Талыч, я всегда стараюсь быть объ-

ективным...

КОРОБОВ. Вот и старайтесь. Если музыканты узнают, что вы в двадцать раз больше их получаете, а в филармонию только раз в месяц заявляетесь, да и то в бухгалтерию за деньгами...

ПОДГУЗЛО (*перебивая*). Витал Талыч, я не виноват, что филармония на капремонте.

КОРОБОВ. Они вас сожрут с дерьмом. И даже не икнут.

ПОДГУЗЛО (*вытираясь носовым платком*). Хорошо, я поговорю с Дуговой. Поставлю её перед фактом, так сказать.

КОРОБОВ. И так поставьте, чтобы она даже не пикнула.

Открывается дверь и появляется Любовь Васильевна с торжественным выражением лица и с подносом, уставленным тарелками, где лежат яблоки, апельсины, сыр, ветчина, балык и другие кулинарные излишества.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Машина директора у входа. Вы все дела закончили?

Худрук заметался, будто пойманная лисица, и метнулся к двери.

Вы куда, Николай Василич?

ПОДГУЗЛО. Любовь Васильевна, мне партитуру надо кое-кому передать. Дело безотлагательной важности. Я ми-

ГОМ. (*Выскальзывает в дверь.*)

КОРОБОВ. Врёт как дышит. У него селезёнка болит, ду-
мает, мы тут всё выпьем, а он к финалу объявится... Пить
не хочет зараза.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ради уважения рюмочку на-
до пропустить. Хотя бы одну.

КОРОБОВ. Вот и проследишь. Щас я пойду руки помою.
И кофту переодену, а то эту уляпаю...

*Коробов выходит, а Любовь Васильевна с тихим азартом
опытного официанта расставляет блюда на столе и что-
то напевает.*

*Дверь неслышно отворяется и появляется директор фи-
лармонии: невысокий крепкий мужичонка в светлом костю-
ме с лопатообразным галстуком в горошек и с картофеле-
образным красным носом на лице. Волосы жёсткие и седые,
как проволока. Брови густые и расчёсанные немного вверх.
Лапы большие и крепкие как у работяги. На первый взгляд
он больше похож на конференсье из самодеятельности, чем
на директора филармонии.*

*Он подходит сзади к Любовь Васильне и хватает её за
округлые бёдра. Она наигранно вздрагивает и медленно по-
ворачивает голову.*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, у меня от та-
кой внезапности может сердце остановиться.

ШУМЯКИН. У тебя мотор, а не сердце... Что: сердечко трепещет, когда я рядом? *(Прижимает её к себе.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, у всех сердечко трепещет, когда вы рядом.

ШУМЯКИН *(о чём-то своём).* Если бы – клопы рояльные... *(Рассматривая пакеты на столе.)* Кто поздравлять приходил?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Коробов и Подгузло. Остальные ещё не успели.

ШУМЯКИН. Остальные думают, директору дали большого пенделя – накось-выкусь! *(Делает неприличный жест рукой. Его внезапно прорывает.)* Не дождётесь, морды протокольные! Я всех вас в узел скручу!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, миленький, всё уже позади. Давайте коньячку выпьем. За победу на фронте искусства.

Любовь Васильевна открывает коньяк и разливает его по рюмкам.

ШУМЯКИН. Люба, ты не представляешь, что эти мудососы натворили!.. *(Достает из-за пазухи письмо и со всего размаху кладёт на стол.)* Вот! Полюбуйся!..

Любовь Васильевна всё в таком же замедленном темпе протягивает рюмку Шумякину, не обращая внимания на бу-

магу.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, вы не передумали насчёт кругосветного круиза? На два месяца.

ШУМЯКИН. Люба, какие круизы! Проснись! После такого письма меня должны были в наручниках зафутболить прямо в камеру! Ты хоть прочитай, чё там написано.

Любовь Васильевна наконец-то берёт бумагу и начинает читать с самого верху.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Это в Москву письмо, а почему оно здесь?

ШУМЯКИН. Потому что в Москве, слава богу, не идидоты сидят. Когда Министерство культуры Российской Федерации получило это кляузное письмо от работников нашей филармонии, то оно поступило очень мудро и правильно! Оно направило его в наше управление культуры, а там, слава богу, сидит такой замечательный человек как Евстахий Палыч, который меня вызвал сегодня и сказал: «Если ты, Азап Калиныч, хочешь и дальше возглавлять своё культурное учреждение, ты должен разобраться с этими заговорщиками и разогнать всё это осиное гнездо. Чтобы впредь мне таких бумаг из Москвы не поступало!» Вот: и тут все фамилии с подписями... на обратной стороне. И знаешь чья подпись первая?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*переворачивая лист и читая*). Карина Дугова. Честно говоря, я не очень-то удивлена. Скорее всего, её инициатива.

ШУМЯКИН. Певичка позорная! Я тебе этого никогда... не прощу! (*Наливает себе почти полный стакан коньяку, сливает туда из своей рюмки и выпивает залпом.*) Никогда не прощу...

Дверь открывается и входит Коробов в светлом пуловере, из-под которого торчит красный галстук. В руке у него подарочный непрозрачный пакет, в котором что-то лежит.

КОРОБОВ. Кому не простишь? Евстахию Палычу?.. (*Кладёт пакет на стол.*) Это лично от меня. Набор этой... бритвенной косметики.

ШУМЯКИН. Спасибо, Виталик... (*Приобнимает его за плечи.*) Евстахий Палыч – человечиче! За четыре года весь город под себя подмял. Ты его поваром больше не обзывай.

КОРОБОВ. Да я от души, по-доброму.

ШУМЯКИН. Во-во!.. Если б не его добрая душа и большое сердце, я бы уже ту-ту паковал чемоданы. Я ему теперь по гроб жизни обязан.

КОРОБОВ. Ну, мы все ему обязаны. А чё за кипиш-то?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот. (*Протягивает Коробову письмо.*) Наши бунтари филармонические накатали в Москву жалобку.

КОРОБОВ. Да?.. *(Осторожно берёт бумагу, словно она чем-то инфицирована.)* То-то я хребтом чую, целится кто-то прямо в спину... Я ознакомлюсь?.. *(Читает письмо.)*

ШУМЯКИН. Эти дебилы не понимают, что себе яму копают. Они же этим письмом, можно сказать, помогли мне! Евстахий Палыч сказал: «Если б не эта кляуза, я бы с тобой уже договор расторгнул, как с директором филармонии». Прямо так и сказал. «Но ты, – говорит, – доказал, что можешь отстаивать свою позицию перед всем коллективом. Что ты не слабак, и не сбежишь в кусты от всяких там горлопанов. Нам, – говорит, – такие люди позарез нужны! Чтобы бороться с теми, кто хочет в стране посеять хаос! Вот ты и будешь бороться с людьми хаоса».

КОРОБОВ *(читая и одновременно комментируя письмо).* Вот суки... Не скупятся на эпитеты... *(Цитирует с издательским пафосом.)* «Этот авантюрист заставляет нас покупать билеты на свои же собственные концерты. Нас, создателей культурных ценностей!» Да потому что вас слушать никто не хочет – бандуристы клубные! *(Читает дальше.)* «Хотя концерты стали редкостью, в основном мы ездим по детским садам со сказками». А вам что, по борделям хочется? Ей-богу, я бы сегодня всех уволил.

ШУМЯКИН. Я бы тоже уволил, если б это была моя личная филармония. А так – терпи и кряхти. *(Разливает коньяк по рюмкам.)* Любань, давай за компанию...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, домой сами

повезёте. На четвёртый этаж.

ШУМЯКИН. Да хоть на пятый. Давай за любовь и дружбу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Тогда на брудершафт.

Любовь Васильевна и Шумякин пытаются выпить на брудершафт, хотя это и довольно сложно с его небольшим ростом и её пышной грудью. Это целый цирковой номер, на который директор пока не готов.

ШУМЯКИН. Ладно, давай без выкрутасов... по-простецки.

Просто чокаются и пьют. Коробов уткнулся в письмо и никак на них не реагирует.

КОРОБОВ (*продолжая читать*). «Мы так понимаем, что деньги на приобретение аппаратуры и инструментов украдены, и мы вынуждены работать без микрофонов со своими личными колонками от компьютеров, включать музыку со своих планшетов и телефонов»... Слушай, Азап, да за такое упрятать надо в тюрьгу!

ШУМЯКИН. Виталик, не баламуть воздух. Выпей.

КОРОБОВ. Да нет, я говорю, их можно упрятать за ложные обвинения. Они что за руку тебя схватили? У них что доказательства есть? Микрофоны с аппаратурой у нас чис-

лятся в наличии, а если у вас их на концерте нет – уж извините, значит, вы сломали. Значит, вы ещё и порчу имущества будете оплачивать. *(Со справедливым негодованием.)* Что за моральные уроды! Крысы, блин!.. *(Внезапно его осенило.)* Азап, это уголовная статья! Ну да, за ложь и надругательство над государственным лицом. Давай щас нашего юриста вызовем и телегу на этих тараканов накачаем – пусть в говне побарахтаются. Павлюку, нашему судье, отдадим, пусть им впаяет по самое не балуй, штраф тысяч на триста или пусть годик в тюрьге на баланде посидят. Враз поумнеют!

ШУМЯКИН. Не кипятись. Мстить на холодную голову надо. Люба, сама себя обслуживай – без этих давай, без церемоний.

Шумякин явно подобрел от выпитого коньяка и сел на стол.

С этими насекомыми потом разберёмся. Ты лучше скажи, что мне с худруком, с Подгузлом, делать?

КОРОБОВ. А что с ним делать – пусть золотые яички несёт, пока задница не лопнула.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да и жена в управлении культуры сидит как никак. Вдруг пригодится.

ШУМЯКИН. Господи – в отделе кадров! Ты дальше, дальше читай. *(Тычет пальцем в письмо.)* Там и про худрука написано, и про нас с тобой.

КОРОБОВ (*читая дальше*). «Художественный руководитель филармонии Николай Васильевич Подгузло является депутатом, почётным гражданином, профессором университета, руководителем ансамбля...» – До хрена ещё перечислений – «...Он просто подставное лицо, на которое директор филармонии и его заместитель Коробов выписывают себе гранты, под его фамилию создают фальшивые проекты, как например, “Вечер джазовой музыки с лучшими саксофонистами России”, о котором мы случайно узнали. Хотя в действительности такого концерта не было...» Люба, у тебя новая бухгалтерша не слишком часто курит в общей курилке, а?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Витал Талыч, об этом проекте никто не знает кроме меня. И нас с вами.

ШУМЯКИН. И Евстахия Палыча.

КОРОБОВ. И нашего яйценосного Подгузло.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, зачем вам этот якорь на шее? Он нас всех на дно утянет.

КОРОБОВ. Лучше часть денег потерять, чем свободу. Избавляйся от него, Азап, – я хребтом чую, когда триндец подбирается.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Евстахий Палыч вам первый спасибо скажет. И жена тут не спасёт.

ШУМЯКИН (*распаляя себя*). Виталик, я в этой библиотеке заживо гнию зачем? Я, заслуженный работник культуры, зачем как бомж ючусь по чужим кабинетам? Вот мне это

надо?

КОРОБОВ. Ради искусства.

ШУМЯКИН. Ради вас, идиоты! Чтоб вы подправили своё материальное положение. Люба, скажи сколько мы лишимся в денежном эквиваленте, если уйдёт наш худрук.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Много. И возможностей много упустим. Но с другой стороны...

КОРОБОВ. С другой стороны, надо взять нового человека – и всё начать с чистого листа.

ШУМЯКИН (*вспыхивая и негодуя*). Виталик, ты себя слышишь? Да новый человек здесь таких дел наворочает – будем в колонии разгребать!.. Да, Подгузло мерзавец и слизняк, но уже прирученный, свой.

КОРОБОВ. Тогда пусть делает всё, что мы скажем – от и до!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Согласна с Витал Талычем. Пусть пожестче будет, понапористой.

ШУМЯКИН. Уговорили... (*Набирает номер на сотовом телефоне.*) Николай Василевич, я вижу вы совсем закружились... Говорю, в делах всё, в хлопотах... Не забыли обо мне?.. Ну, конечно. Мы уже, понимаете, на всю катушку отмечаем восшествие Николай Второго на престол... Ну да. Поэтому с нетерпением и благоговением ждём дражайшего нашего худрука... Ах, вы рядом? Ну и отлично. (*Кладёт трубку.*) Сейчас подойдёт. Говорит, в туалете сидел, живот прихватило.

КОРОБОВ. Врёт как дышит.

ШУМЯКИН. Пусть врёт, лишь бы польза была.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, может быть, я уйду?

ШУМЯКИН. Нет, Люба, ты у нас в качестве этого будешь... специалиста по финансовым вопросам. Ах, чуть не забыл!.. *(Достаёт из дипломата папку с бумагами и протягивает их Коробову.)* Эти твои проекты по новой филармонии и близлежащей территории... Очень пригодились. Евстахий Палыч сказал, что в подвале под филармонией можно и ночной ресторан открыть. Каждый квадратный метр должен копеечку приносить... Смекаешь?

КОРОБОВ. А в фойе что, пивнушку откроем?

ШУМЯКИН. Фойе наше с тобой будет. Потом рядом гостиницу отстроят для гастролёров. Пятизвёздочную! С торгово-развлекательным комплексом. Там и аквапарк, и чёрта лысого там тока нет! Дай срок! Так развернёмся, соседи от зависти подавятся.

КОРОБОВ *(недовольно).* У повара понос от обжорства не случится?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не к столу такие разговоры.

Слышен стук в дверь.

ШУМЯКИН. Не занято. Входите.

В узкий проём двери сначала просовывается лысина худрука Подгузло, затем плечи, грудь, а потом уже и остальное туловище, словно дверь шире не открывается.

ПОДГУЗЛО. Не помешал?.. Азап Калиныч, мои вам самые искренние поздравления!.. (*Жмёт руку директору.*) Как говорится, чтобы ваш талант руководителя принёс ещё много пользы нашей замечательной филармонии. Ура!

Любовь Васильевна подаёт худруку рюмку и бутерброд.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Здесь балык и сыр, Николай Василич, как вы любите.

ШУМЯКИН (*шутливо грозя пальцем*). Ох, Любовь Васильевна, ухаживаете за Николай Василичем как эта... Прямо шуры-муры у вас, смотрю.

ПОДГУЗЛО. Что вы, что вы, Азап Калиныч, у нас всё пристойно... Только я немножечко. Пригублю чуть-чуть.

КОРОБОВ. Мы все щас чуть-чуть пригубим...

Все берут рюмки и бутерброды.

Предлагаю выпить за бескрампра... (*Запинается и замолкает.*) Сейчас со второй попытки... За бескрампрам... Блин, что это у меня с языком!

ПОДГУЗЛО (*ехидно улыбаясь*). Вы сегодня явно пере-

трудились. Давайте просто выпьем за мир во всём мире.

ШУМЯКИН. Нет, давайте за летальный исход для наших врагов.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, не хулиганьте.

КОРОБОВ. Да погодите вы! Я пока не выговорю, я не успокоюсь.

ШУМЯКИН. Тогда не торопись.

КОРОБОВ. Давайте выпьем за принципиальность и...

ПОДГУЗЛО. И!.. *(Помогает ему, отбивая такт ладонями.)*

КОРОБОВ *(говоря в такт по слогам).* Бес-ком-промисс-ность! – в творчестве. Вот!

Все чокаются и пьют.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(томно, Коробову).* Вы сегодня в ударе. *(Подгузло.)* Это было гениально.

ШУМЯКИН. Люба, не совращай моих подчинённых.

ПОДГУЗЛО *(смакуя коньяк).* М-м, какой изыск!.. Французский?

КОРОБОВ. Гипермаркетовский.

ШУМЯКИН. Николай Василич, ты кушай как следует и пей. А то как неродной, понимаешь, цедишь коньяк сквозь зубы. Выпил хорошо – закуси борщом, говорил мой дед.

ПОДГУЗЛО. Вам уже отдали мой подарок? Самая брен-

довая фирма, как говорит молодёжь.

ШУМЯКИН. Ты погоди про подарки. Ты мне скажи, Николай Василич, кто из наших работников про «Вечер джазовой музыки» знает?

ПОДГУЗЛО. Ну что вы, Азап Калиныч, я ведь понимаю – информация конфиденциальная, как говорится, для служебного пользования.

КОРОБОВ. Сейчас не до шуток.

Коробов берёт письмо и суёт его под нос худрука.

Вот это вот гниды написали в Москву. Про «Вечер джазовой музыки» написали, что вы в филармонии только в день зарплаты появляетесь... Писатели хреновы. В нашем управлении письмецо оказалось.

ПОДГУЗЛО. Вы позволите?

Подгузло берёт письмо и садится в уголок, чтобы его прочитать.

ШУМЯКИН. Я, Николай Василич, честно скажу, если я с кем-то в команде работаю, я на него полагаюсь как на самого себя. Без взаимного доверия нам никак нельзя.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, клянусь, жена ничего не знала. Видимо, это было в большом секрете...

КОРОБОВ. Это, конечно, не моё собачье дело, но я бы

предложил Николаю Василичу разбить бригаду Карины Дуговой на две части.

ПОДГУЗЛО. Да-да, я согласен.

ШУМЯКИН. Это ерунда всё. Дугову надо увольнять.

Сразу же возникает пауза. Все переглядываются друг с другом кроме директора.

И увольнять за непрофессионализм, за то, что она разваливает работу своей бригады.

ПОДГУЗЛО. Ну, она как бы мастер сцены. По категории.

ШУМЯКИН. Певица она опытная, никто не спорит, но кроме опыта есть ещё руководительские способности.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*подсказывая*). Руководящие.

ШУМЯКИН. Тем более. А работу бригады своей она полностью провалила.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, у них как бы грамоты есть от нашего Управления культуры. Как же мы их... это...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. И вы её денежными премиями поощряли.

КОРОБОВ. Азап Калиныч,дохлый номер. Мы Дугову даже с места не сдвинем.

ШУМЯКИН. А то как же – не просто сдвинем, а сковырнём! Чтоб никому не повадно было. А Управление культуры

нам ещё спасибо за это скажет. И вы, Николай Василич, нам в этом должны помочь.

ПОДГУЗЛО. Я всегда рад помочь прекрасным людям. Как говорится, не имей сто рублей...

КОРОБОВ. А имей сто богатых друзей – с каждого друга по пять тыщ, уже машина.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я согласна, профессиональные качества у плохого человека становятся оружием массового поражения. По мне – доброго музыканта гораздо приятнее слушать, чем злого.

ШУМЯКИН. Золотые слова. И мы как культурное учреждение вопросам человечности и морали должны уделять самое первое значение... то есть внимание.

КОРОБОВ. Так, господа, я предлагаю выпить за то, чтобы в следующем году мы въехали в новое отремонтированное здание филармонии в обновлённом составе.

ПОДГУЗЛО *(с тревогой)*. В смысле?

КОРОБОВ. С новыми музыкантами, с новым репертуаром – но! Со старым и опытным руководством.

ШУМЯКИН. Виталик, дай я тебя обниму по-братски. *(Обнимает Коробова так, что тот кричит.)*

КОРОБОВ *(не без удовольствия)*. Азап, кости сломаешь, блин!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(Подгузло)*. Отец Витал Талыча служил в одной роте с отцом Азап Калиныча.

ПОДГУЗЛО *(расплываясь в пьяной улыбке)*. Замеча-

тельно. Как говорится, по-дружески в одном кабинете...

Слышен стук в дверь.

ШУМЯКИН (*благодарушно*). Люба, узнай, кому там чего отвесить...

Любовь Васильевна подходит к двери и приоткрывает её слегка.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*говоря тому, кто за дверью*). Азап Калиныч на данный момент очень занят... Я ещё раз повторяю, Азап Калиныч не в том состоянии, чтобы разговаривать на личные темы... Зайдите завтра.

ШУМЯКИН. Кому там неймётся?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*говоря тем, кто в кабинете*). Баянист Божко. Семён Аркадич. По личному вопросу.

ШУМЯКИН. Что – жениться собрался или в запой?

КОРОБОВ. У него с Дуговой конфликт вышел. Она его из бригады попереть собралась.

ШУМЯКИН. Ишь, какая шустрая. Кто ж ей позволит. А ну-ка, зови пострадавшего. (*Кричит в сторону двери.*) Семён Аркадич! Божко! Залазь.

Дверь полностью открывается и входит Божко. Увидев в кабинете столько народу и накрытый стол, он начал пя-

тятся, но тут же был остановлен мягкими и сильными руками Любовь Васильевны.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Семён Аркадич, присоединяйтесь к нашему столу. Сегодня праздник, грех отказываться.

СЕМЁН. Ну да, я уже в курсе. (*Шумякину.*) Поздравляю!.. (*Жмёт ему руку.*)

КОРОБОВ. Выпить хочешь? (*Наливает рюмку.*)

СЕМЁН. Нет-нет, я в завязке, работы море.

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич прав, завтра у них выезд, ответственный концерт в районе. Нужно быть в форме.

ШУМЯКИН (*морщась как от кислого*). Какой ответственный концерт – ей-богу! В детском садике сказку «Колобок» петь – вот и весь концерт.

ПОДГУЗЛО. Ну, всё равно ответственность. Воспитание молодого поколения. Передача культурных ценностей.

ШУМЯКИН. Николай Василич, хватит жужжать, ей-богу. Мне эта ахиня там надоела (*поднимает вверх указательный палец*), а ты мне ещё тут праздник загадить хочешь. Перенесут выступление на другой день, пусть детишки поспят побольше. Давай, Семён, пей, ешь...

КОРОБОВ (*подталкивая Семёна к столу*). Семён, ну что ты как неродной – давай налегай, директор разрешил.

Любовь Васильевна подносит ему полную рюмку.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Давайте, Семён Аркадич, за Азап Калиныча.

ШУМЯКИН. Не надо за меня. За процветание музыкальной культуры и нашей филармонии.

СЕМЁН. Ну да, за это грех не выпить.

Семён выпивает, и Любовь Васильевна тут же ему подсовывает бутерброд с колбасой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Кушайте побольше мяса для мужской силы.

ШУМЯКИН. Любовь Васильевна, не развращай сотрудников... Лучше бумажку мне принеси.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. В смысле?

ШУМЯКИН. Господи, чистые листы бумаги и ручку мне можешь принести?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Так бы и сказали. *(Выходит из кабинета.)*

ШУМЯКИН. Виталик, поухаживай за братом, а то вижу, он стесняется.

КОРОБОВ. Конечно. *(Наливает ещё рюмку.)* Давай, Семён, вдогоночку... не отставай от общества.

ШУМЯКИН. Семён, скажи честно, ты знал про письмо в Москву?

СЕМЁН. Какое письмо?

КОРОБОВ. Дугова в Москву, в Министерство культуры, письмо накатала. Там полфилармонии подписей. Против дирекции.

СЕМЁН. Нет. Даже не слышал.

КОРОБОВ (*Шумякину*). Не будут они моему родственнику подмётные письма подсовывать – мало ли чего. (*Семёну.*) Ты пей давай, не держи тару.

Семён вливает содержимое себе в рот одним махом. Любовь Васильевна возвращается с несколькими листами бумаги.

ШУМЯКИН. В общем, облили всех дерьмом: Виталика твоего, меня, главбуха – всё начальство. Ну, типа, в новую филармонию въедем с новым начальством. Да и музыкантов, думаю, не всех с собой заберут.

СЕМЁН. Ничего не понял – кто не заберёт?

КОРОБОВ. Инициативная группа.

ПОДГУЗЛО. Я так понимаю, это несколько музыкантов, которые решили, что они лучше всех. Они будут решать судьбу филармонии и всех нас.

СЕМЁН. Кто это?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ваша любимая Карина Дугова.

СЕМЁН (*криво усмехаясь*). Скажете тоже – любимая. Я из-за неё уже вторую неделю на нервах... как заведённый.

ШУМЯКИН. Вот, Семён. И терпеть это не надо. Не надо унижаться перед Дуговой.

СЕМЁН. Я ни перед кем унижаться не буду.

ШУМЯКИН. Правильно, поэтому напиши письмо в поддержку филармонии и всего руководства.

СЕМЁН. Руководства?

КОРОБОВ. Про руководство можешь не писать. Просто в защиту филармонии.

ПОДГУЗЛО. Ну да, так патриотичнее.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот здесь удобнее... *(Кладёт на стол большой кожаный фолиант, а сверху листок.)* На умной книжечке. Пишите себе в удовольствие. *(Протягивает ему ручку.)*

СЕМЁН. Как-то это...

КОРОБОВ. Не бойся, мы продиктуем, тебе голову не надо ломать.

СЕМЁН. Да я не об этом. Почерк у меня жуткий... Да и после этого дела *(щёлкает пальцем себя по горлу)* муть в голове такая...

ШУМЯКИН. Семён!.. Никто же не говорит, что это прямо сейчас нужно. Потом зайдёшь, вместе напишем.

КОРОБОВ. Да ну, зачем в долгий ящик откладывать. По-быстрому начиркаем...

ПОДГУЗЛО. Нет-нет, господа, тут нельзя скоропалительно. Надо всё обдумать, взвесить...

КОРОБОВ. Да что вы, ей-богу! Кого там взвешивать!..

ШУМЯКИН. Виталий, не кипятись, худрук прав.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Секундочку! Давайте сделаем проще: пусть Семён Аркадич подпишет внизу чистый лист, а мы потом впишем всё, что надо. И не будем у человека драгоценное время отнимать, и сами как следует подумаем – такие вещи впопыхах не делаются.

ШУМЯКИН (*гордо*). И кто скажет, что я плохой директор? Во какого главбуха нашёл!

СЕМЁН. Опасно.

КОРОБОВ. Чего опасно?

СЕМЁН. Да мало ли: кто-нибудь возьмёт и впишет «прошу уволить по собственному желанию». А внизу уже подпись моя.

КОРОБОВ. Семён, ты дурак, что ли?

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич дурачится. Он знает, так никто не может поступить.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Свидетелей слишком много.

ШУМЯКИН. Семён Аркадич, слово директора – как только напишем, сразу же тебя вызову, прочтёшь и утвердишь! Без твоих санкций использовать никому не позволю!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (*поправляя*). Без разрешений вы имели в виду.

ШУМЯКИН. Любовь Васильна, не мучай меня словами, я в этом не силён. Давай, Семён, выпьем на брудершафт!.. (*Наливает себе и Семёну.*) Любовь Васильна, не пожадничай,

выпиши премию Семён Аркадичу. Прямо шас!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Выписываю. Пять тысяч. *(Достаёт из стола директора кутюру и кладёт перед Семёном.)* Примите.

СЕМЁН. Ладно. *(Кладёт кутюру себе за пазуху.)* Буду надеяться, Виталий Витальевич, не допустит никаких махинаций с моей подписью.

КОРОБОВ. Сеня, я за троюродного брата любого расшибу! – с разбегу, как старый шифоньер.

ШУМЯКИН *(дрогнувшим голосом)*. Виталик, ты человек. Если б у меня был такой брат, я бы с ним хоть в разведку.

ПОДГУЗЛО. Такие люди редкость. Мамонты.

КОРОБОВ. Семён, чего ты замер-то, блин?

Семён так и стоит над листом с ручкой, будто скульптура.

СЕМЁН. Да вроде как неприлично это.

КОРОБОВ. В смысле?

СЕМЁН. Вдруг клязузу кто-нибудь от меня напишет?..

ШУМЯКИН. Семён, неужели ты обо мне так думаешь? О своём директоре?

СЕМЁН. Мало ли, кто-нибудь зайдёт и воспользуется.

ШУМЯКИН. Сейф видишь? *(Указывает на сейф.)* Как только ты подпишешь, я бумагу сразу туда спрячу, а ключ в сейф Любовь Васильны положу и опечатаю, потому что там

деньги лежат. Видишь, я даже не побоялся тебе такую секретную информацию выдать.

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич, мне даже как-то неловко перед директором...

СЕМЁН. Ладно. *(Машет рукой.)* Если что случиться, моя совесть чиста, как этот лист... Вот... в двух экземплярах!

Семён делает внизу две подписи на двух чистых листах — и бросает ручку об стол.

Всё! Забирайте.

Дальше возникает оживление в пьяной компании, бестолковые разговоры, хаотичное движение по кабинету, как это обычно бывает у пьяных людей. Какие-то выкрики, смех, обрывки фраз, скомканные разговоры, непонятные жесты, телодвижения... Эта сцена полностью зависит от бурной фантазии актёров и режиссёра.

ШУМЯКИН. Так, я бы попросил налить, Семён Аркадичу. Штрафную, он с нами не с самого начала...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Самообслуживание... Витал Талыч!..

КОРОБОВ. Агусеньки?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Говорят, после ремонта в филармонии будет три сцены.

ПОДГУЗЛО. Обязательно! Для оперы и балета, для симфонического оркестра, для эстрадников...

ШУМЯКИН. Какие на хрен три сцены! Мы на одной-то не знаем чего показывать. Они в управлении себе галочку поставят, в Москву отрапортуют о завершении ремонта, а у нас элементарных прожекторов нету. Оперу они захотели! Эстраду! Семён, сыграй им эстраду...

СЕМЁН. Жалко баяна нет... Я могу на ложках постучать... *(Стучит ложками по бутылкам.)*

КОРОБОВ. Сеня, стекло кокнешь! И так денег нету.

ШУМЯКИН. Не ссы, Виталик, на столичных гастролёрах бабки заработаем – стёкла купим.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, не выражайтесь! Говорите «сикать».

ПОДГУЗЛО. Я могу вместо музыки себе по животу постучать... Смотрите, целый номер!.. *(Стучит себя по животу и издаёт ртом пukaющие звуки.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(напевая)*. «Я танцевать хочу, я танцевать хочу до самого утра!.. Как будто два крыла... тари-ра-ра-ра-ра...»

СЕМЁН. Я с детства мечтал на ударных играть... Чё мне этот баян сдался?..

КОРОБОВ. Завтра сам пойду концерты продавать... Я сам! Пусть смотрят, уроды тупые!..

ПОДГУЗЛО. Надо рукой, рукой вот так вот надо!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ай, я шас упаду!..

ШУМЯКИН. Хоп, хоп!.. Ножкой топ, топ!..

СЕМЁН. Ещё, ещё!.. Где, бли-ин?..

КОРОБОВ. Ничё уже нету...

ШУМЯКИН. Всё есть... всё есть...

СЕМЁН. Да там они...

ПОДГУЗЛО. Ничего не понимаю...

КОРОБОВ. Куда он хотел-то?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Отстаньте...

СЕМЁН. Ну да, ну да... Прямо так...

Дальше уже слышатся нечленораздельные звуки, человеческие фигуры превращаются в тени, которые барахтаются в сером сумрачном кабинете, как мухи, которых бросили в банку с водой и плотно закрыли. Свет гаснет.

Второе действие

На следующий день. В фойе библиотеки на пуфике сидит Карина Дугова: слегка полноватая высокая женщина с красивым ожерельем на шее и пуховым платком на плечах, на коленях у неё раскрытые ноты, она что-то разучивает, открывает рот и беззвучно поёт, слегка дирижируя себе рукой. Из-за колонны, за которой находится коридор, ведущий к кабинетам дирекции, появляется Подгузло. Он несколько секунд наблюдает за женщиной, затем осторожно подходит к ней.

ПОДГУЗЛО. Добрый день, Карина Викторовна. Работаете?

КАРИНА. Здравсьте, Николай Василич. Смех это, а не работа. Как я могу вокальную партию в библиотеке репетировать. Уж лучше б нас в баню переселили, там хоть и петь можно, и париться заодно. Сижу как карась на песке, воздух ловлю.

ПОДГУЗЛО (*пытаясь шутить*). Куда заселился, там и стодился, как говорится... Карина Викторовна, вам бы надо с директором почаще встречаться, оказывать на него, так сказать, творческое влияние...

КАРИНА. Интересно, что я могу бывшему директору

горсада рассказать о классической музыке? Оно ему надо?

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, вы уж себя так сверху позиционируете – к вам и подступиться страшно!

КАРИНА. Николай Василич, не юлите, скажите прямо, что от меня надо?

ПОДГУЗЛО (*сделав строгое лицо*). Карина Викторовна, ситуация накалилась до предела, так сказать...

КАРИНА (*перебивая*). В чём это выражается?

ПОДГУЗЛО. Это выражается в очень серьёзных вещах! Вы должны попросить у директора прощения.

КАРИНА. Здравствуйте! За что интересно? Они мне выпивоху в бригаду подсунули, денег недоплачивают, даже на бензин не дают – а я им, значит, простите меня, пожалуйста! Николай Василич, вы с ума сошли?

ПОДГУЗЛО. В таком случае... будет катастрофа!

КАРИНА. Мне Семён уже намекнул про вашу катастрофу – из одной бригады две хотите сделать? А вот это видели? (*Показывает фигу.*) Давайте я буду водителем, контролёром на своём концерте, могу микрофоном поработать...

ПОДГУЗЛО. Это ещё не самое плохое, Карина Викторовна. Вы не понимаете всю глубину последствий...

КАРИНА. Вы мне угрожаете, что ли? Может, уволить хотите?

ПОДГУЗЛО. Я пытаюсь...

КАРИНА. Ещё неизвестно у кого будут последствия. (*Заканчивает репетицию, собирает тетрадки и собирается*

уходить.)

ПОДГУЗЛО (*тревожно*). Вы куда в рабочее время?

КАРИНА. К Евстахию Палычу. Я буду делать последствия для директора.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, не делайте глупостей. Я чисто из уважения к вашему таланту... Пытаюсь помочь, понимаете ли... Вы только усугубите своё положение – вам туда нельзя!

КАРИНА. Это почему же?

ПОДГУЗЛО. Потому что ваше письмо там... Из Москвы письмо вернули Евстахию Палычу. Вот.

КАРИНА. Ну, хорошо, что вернули. Значит, он в курсе.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, не бегите впереди паровоза. Всё не так просто...

КАРИНА. Зачем усложнять там, где всё просто и понятно. А если будете усложнять, я доберусь до самого президента! Николай Васильич, не путайтесь под ногами!..

Карина уходит, а Подгузло остаётся в растерянности.

ПОДГУЗЛО. Опять что-то не так сказал... что-то не то...

Появляется Семён Божко, за плечами у него висит баян.

СЕМЁН. Куда это Дугова полетела?

ПОДГУЗЛО. Семён Аркадич, вы бы остановили её.

СЕМЁН. Зачем вставать на пути у товарного поезда? Бессмысленно.

ПОДГУЗЛО. Ну что ж, если Карина Викторовна дров наломает... я сделал всё, что мог. Как говорится, силы оказались неравными...

СЕМЁН. Да вы не переживайте, Николай Василич, сейчас все, кто без правды живут, вымирают потихонечку.

ПОДГУЗЛО. В смысле?

СЕМЁН. Ну, говорят, пришествие скоро, сейчас божий промысел идёт. Все, кто врут, воруют, матом ругаются – они все умирают от онкологии или от непонятого вируса...

Худрук смотрит на Семёна, как на инопланетянина, не зная что сказать. Да и стоит ли?..

ПОДГУЗЛО. Ах, вон что!.. Вы серьёзно?

СЕМЁН. Серьёзно. В Интернете пишут – капец стране! Второе пришествие! Я так смотрю вокруг: думаю, может и правы они... Все как-то себя ненормально ведут, будто у многих сдвиг по фазе пошёл.

Семён видит бегущую в их сторону Любовь Васильевну.

Ладно, пойду закуток какой-нибудь поищу, порепетирую.
(Уходит.)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Николай Василич, что такое с Кариной Викторовной?

ПОДГУЗЛО. А что с ней?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я вот у вас и хотела узнать, что с ней.

ПОДГУЗЛО. Я выполнял поручение дирекции. Передал слова, так сказать. Всё в сдержанных тонах, культурно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Ворвалась в бухгалтерию, стала требовать финансовый отчёт за весь год! Я говорю, вы кто такая? Вы кто такая, чтобы требовать финансовые документы? Она понесла – всех музыкантов обманывают, недоплачивают, про какие-то фальшивые концерта кричала... Ужас какой-то!.. Как будто её науськали. Я уж грешным делом на вас подумала...

ПОДГУЗЛО. Ну уж вы из меня революционера не делайте. Я человек порядочный, культурный. К руководству лояльный.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да нет, я подумала, может, сболтнули чего по неосторожности, мало ли.

ПОДГУЗЛО. А что я мог сболтнуть?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Про письмо не надо бы... что Евстахий Палыч нам его передал.

ПОДГУЗЛО *(качая головой)*. Ай, как нехорошо!.. Надо бы Азап Калиныча предупредить. Вы бы, Любовь Васильна, побеспокоились о своём... *(Осёкся.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(вскинув брови)*. Вы о чём?

ПОДГУЗЛО. О начальнике о своём побеспокоились бы.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Я уже не понимаю, как он все эти гадости выслушивает!.. И вот опять ему в уши всякие подлости вдвухать... Сумасшедший дом какой-то!.. (*Уходит.*)

У Подгузло в брюках звенит телефон, Он торопливо достаёт его, чуть не роняет.

ПОДГУЗЛО. Алло?.. Мусечка, я тебя прошу, не звони мне на работу в середине дня, у меня репетиции, совещания – ты меня ставишь в неловкое положение... Нет, у меня голос не дребезжит!.. Что говоришь?.. Евстахия Палыча увольняют?.. Но это не может быть!.. Кого-то из Москвы пришлют?.. Мусечка, я не могу вот так вот взять и уволиться отсюда! Без меня филармония просто рухнет!.. Я здесь единственный вменяемый руководитель... Всё-всё, родная, дома поговорим. (*Кладёт трубку.*) Слава богу, Дуговой про увольнение ничего не сказал.

Откуда-то из темноты появляется Семён с тем же баяном на плече. Он трёт ушибленную голову.

СЕМЁН. Всё, Николай Василич, домой пойду.

ПОДГУЗЛО. Что опять такое?

СЕМЁН. Что-что – в библиотеке репетировать негде. Хо-

тел в котельной поиграть, как саданулся об трубу, аж искры из глаз!.. Не видно ни черта...

ПОДГУЗЛО. Хорошо, хорошо. Вы только в журнале распишитесь, что были на рабочем месте.

СЕМЁН (*криво усмехаясь*). Это какое же у меня рабочее место? Даже интересно. На книжной полке, что ли? Или возле туалета?

ПОДГУЗЛО (*морщась как от кислого*). Семён, прекратите! Что вы как ребёнок, ей-богу. Все находятся в такой нестандартной ситуации... Надо как-то с пониманием, что ли...

СЕМЁН. Надоело – когда ко мне с пониманием будут относиться? Зря я тогда бумагу эту вашу подписал.

ПОДГУЗЛО. Ну уж!.. (*Разводит руками в стороны, словно говоря, теперь уже поздно что-либо отменять.*)

Семён, повыше и поудобней закинув на плечо ремень от баяна, пошёл в сторону служебного входа.

(*Мыслит вслух.*) Не знаю, может, и правда уволиться. Невелика потеря... да и здоровье как-то... (*Уходит.*)

Тот же самый кабинет директора филармонии. Шумякин, развалившись в кресле и вытянув ноги, насколько это возможно при его росте, разговаривает по телефону. На самом деле, сбоку кресла торчит только пузо и рука с теле-

фоном.

ШУМЯКИН. Ты мне этого Тырамырова на кой чёрт прислал? Да мне попсовый эстрадник нужен, зачем твой поющий экстрасенс... Сейчас по телевизору каких только уро-дов не показывают – всех их на сцену, что ли, тащить?.. Народ уже плюётся от этих рептилоидов... Филармонию обеща-ли после Нового года сдать. Сейчас только в Доме куль-туры площадку дам... С драмтеатром можно поговорить... Евстахия Палыча обижать нельзя, а то в следующий раз ты хрен куда сунешься у нас в городе.

Входит взбудораженная Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч!

ШУМЯКИН. Люба, я работаю, ты не видишь?.. (*В теле-фон.*) Ну, это дураки только деньгами не делятся. Мы же не дураки.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, тут безобра-зие полнейшее!..

ШУМЯКИН (*строго*). Любовь Васильевна! (*В трубку.*) Не могут без меня, хоть тресни! За каждым надо ходить и по-казывать, что ему делать, как ему делать... Ой, что ты, ша-гу без директора ступить не могут... Ладно давай. А насчёт фокусников подумай, народ на фокусы падкий, ему хоть ду-рацкий фокус давай – всё проглотят. (*Кладёт трубку.*) Слу-

шаю, Любовь Васильна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, Дугова с ума сошла.

ШУМЯКИН. Что ж здесь удивительного? Она хоть и певица, но климакс у неё никто не отменял. Пора бы уж привыкнуть к её выпадам.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вы не понимаете, она собралась к Евстахию Палычу идти, в управление культуры.

ШУМЯКИН. Замечательно. Евстахий Палыч умеет беседы проводить – долго, строго, обтекаемо.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Да что ж такое-то, Господи! *(В отчаянии всплёскивает руками.)* Ей Подгузло всё рассказал.

ШУМЯКИН. Что всё?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Про письмо рассказал, которое в Москву. Что оно теперь у Евстахия Палыча.

ШУМЯКИН *(пытаясь собраться с мыслями).* Так, хорошо... И чем это мне грозит?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Конкретно вам, конкретно сейчас, может быть, и не грозит.

ШУМЯКИН. Уже лучше.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Но если она поймёт, что вы с Евстахий Палычем в сговоре, она может на вас обоих телегу накатать – туда! Самому! *(Поднимает указательный палец вверх.)*

ШУМЯКИН. Ну так она не поймёт.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Здравсьте, вы ж её увольнять собрались.

ШУМЯКИН. Люба, ты не тяни kota за уши! Что ты мне конкретно сделать предлагаешь? Наградить её? Денежную премию выписать? Или на своё место посадить?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, вам надо её своим замом сделать.

ШУМЯКИН. Люба, ты с ума сошла? У меня же Коробов всю жизнь в замах, ещё с горсада... Да ещё в клубе газовиков когда начинали вместе. Это ж моя правая рука и левая нога.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Азап Калиныч, я вам плохого никогда не желала. Интуиция у меня, сами знаете, бешеная.

ШУМЯКИН. Ну да, в тот раз от ревизии меня здорово спасла...

Дверь открывается и наполовину из двери появляется Коробов.

КОРОБОВ. Азап Калиныч, ты свободен?

ШУМЯКИН. Заходи, Виталик.

Коробов входит, по его настороженному лицу уже видно, что он в курсе чего-то нехорошего, но не в курсе, что именно произошло.

КОРОБОВ. Что за кипиш такой в бухгалтерии?

ШУМЯКИН. Да вон Дугова про письмо узнала. Худрук проболтался.

КОРОБОВ. Так ты её увольнять собрался.

ШУМЯКИН. Это надо всё стратегически, Виталик, надо момент подловить, потом – чик – и подсекай. Как на рыбалке.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна обещала до президента добраться. Кому эта головная боль?..

КОРОБОВ. Ну, в таких случаях человека подкупить надо. Как это – деморализовать.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Предлагаю выписать ей премию. В тройном размере.

КОРОБОВ. Фигня. Премию она проест, а потом всё поновой.

ШУМЯКИН. Что, каждый месяц ей отстёгивать?

Телефонный звонок – звучит знакомое уже Trololo. Шумякин поднимает трубку и сразу же его голос и выражение лица становятся подобострастными.

Да-да, Евстахий Палыч, слушаю!.. С Дуговой что делать собрался? Да ничего особенного. То есть – буду увольнять. Конечно... Как не надо?.. Худруком?.. Да, идея перспективная. Многообещающая... Нет, я в Иркутск не хочу... Сегодня же.

Шумякин кладёт трубку и опускается в кресло.

КОРОБОВ. Азап, внеси ясность.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Не тяните душу!

ШУМЯКИН. Евстахий Палыча переводят в Иркутск...

КОРОБОВ. Это же каторга!

ШУМЯКИН. Успокойтесь! Может, ложная тревога, он ещё сам толком не знает.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Из-за письма?

ШУМЯКИН. Не знает он. Может, и из-за письма. Поэтому разговоры об увольнении Дуговой прекратить. Вообще предлагает назначить её хударком, а Подгузло с почестями на пенсию.

КОРОБОВ. Дурдом на гастролях.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А с вами что? С нами со всеми что будет?

ШУМЯКИН. Уравнение с тремя неизвестными...

КОРОБОВ. Не паникуй... Пусть мне Любовь Васильна бумажку принесёт, которую Семён подписал.

ШУМЯКИН. Мы же там хотели эту... в поддержку дирекции.

КОРОБОВ. Детский сад всё это. Неси бумагу, Любовь Васильна!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Нести?

ШУМЯКИН. Ну, неси, неси.

Любовь Васильевна выходит, и действие опять переносится в фойе, по которому идёт Божко, на плече у него уже нет баяна, зато в руках он держит две маракасы.

СЕМЁН. Был баянист – стал маракасист. Блин! (*Трясёт маракасами.*)

Навстречу Божко выходит Карина Дугова и решительным шагом идёт ему наперерез.

КАРИНА. Запомни, Семён, если вы со своим братцем придумали развалить мою бригаду, я этого так не оставлю!

СЕМЁН. Карина, я вообще не в курсе, чего там у них в кабинетах творится!.. Думаешь, Коробов со мной советуется? Вон, маракасы всучили. Из-за тебя, между прочим.

КАРИНА. Со мной ты ездить не будешь – сколько можно твои пьянки терпеть! Гитаристу будешь маракасами над головой трясти.

СЕМЁН. Успокойся. Я завтра кодироваться иду.

КАРИНА. Делай что хочешь, хоть в монастырь иди. Я предупреждаю. Я пойду в управление культуры. Если здесь все повязаны, значит, пойду выше.

СЕМЁН. А если и там повязаны?

КАРИНА. Ничего, божьего суда все боятся, даже цари.

СЕМЁН. Ты что, анафеме их предашь?

КАРИНА. У меня есть средства. Тебе не расскажу.

СЕМЁН. Ой, как страшно.

Мимо проходит Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна, зайдите в бухгалтерию. Я вам за прошлый месяц премию забыла выдать. С этими отчётами голова кругом...

СЕМЁН. И у меня за прошлый месяц ничего не было.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Попозже чуть, Семён Аркадич, не всё сразу. Пойдёмте, Карина Викторовна.

КАРИНА (*Семёну*). Понял? В трудный момент мне даже судьба помогает.

Любовь Васильевна уходит первой, а следом за ней спешит Карина Дугова. Семён озадаченно смотрит на маракасы в руках.

СЕМЁН. Ничё не понимаю – с кем репетировать? То ли я с гитаристом буду, то ли сам по себе... Бардак!..

Снова кабинет директора. Коробов сидит за компьютером и набирает текст. Директор стоит поодаль и что-то обдумывает.

ШУМЯКИН. Думаешь, Павлюк заявление примет зад-

ним числом?

КОРОБОВ. Задобрим. Значит так: письмо это Семён написал ещё до письма Карины в Москву. Мол, хударук развалил работу в филармонии, директор с замом ничего сделать не могут...

ШУМЯКИН. Идиоты, раз не могут.

КОРОБОВ. Ну-ну... Хударука кто у нас назначал? Евстахий Палыч. Как же мы повлиять можем? Никак.

ШУМЯКИН. Евстахий Палыч, значит, виноват?

КОРОБОВ. Ты за повара не переживай. Он без хлеба с маслом не останется.

ШУМЯКИН. Тогда вот чё напиши: «Также у меня имеется афиша концерта “Лучшие саксофонисты России”, которого на самом деле не было». Напечатал?

КОРОБОВ. С ума сошёл! Думаешь, Подгузло на себя всё возьмёт? Он нас с потрохами сдаст.

ШУМЯКИН. Не сможет. Мы его в кругосветный круиз отправим, на два месяца. К тому времени весь шум уляжется. Напечатал?

КОРОБОВ. Я тебе чё секретутка, что ли? У меня, блин, палец сразу две клавиши закрывает.

ШУМЯКИН. Сладкого надо меньше жрать, Виталик. Распустился!

Пристально смотрит на Коробова, отчего тот отворачивает лицо в сторону и морщится.

КОРОБОВ. Азап, не надо, а.

ШУМЯКИН. Чё не надо – ты ведь как пить бросил, каждый обеденный перерыв себе торт заказываешь. В кабинете закроешься и жрёшь втихомолку. Мне, знаешь, нового зама искать не очень-то хочется.

КОРОБОВ. Почему нового?

ШУМЯКИН. Потому что от избыточного веса тебя удар хватит – и гуляй, Вася!..

КОРОБОВ. Азап, ёлки-палки, ну что ты!..

ШУМЯКИН. Ладно-ладно, я по-дружески... Ух, мальчишка!..

Шумякин по-отечески треплет Коробова по голове. Слышен стук в дверь.

Войдите.

Дверь осторожно отворяется и просовывается голова Подгузла.

ПОДГУЗЛО. Азап Калиныч, я по ситуации с Кариной Викторовной...

ШУМЯКИН. Карина Викторовна сегодня герой дня.

КОРОБОВ. Ни дня без героини.

ПОДГУЗЛО. Ситуация неприятная, как бы это сказать

точнее...

ШУМЯКИН. Не без вашей помощи, кстати.

ПОДГУЗЛО. Ну да... Я как бы виноват... Вот. Поэтому прошу отпустить меня.

ШУМЯКИН. Куда отпустить?

КОРОБОВ. В отпуск без содержания.

ПОДГУЗЛО. Да нет, я совсем хочу уйти. Уволиться хочу. Вот и заявление даже написал. *(Достаёт заявление из папочки и кладёт на стол.)* Так что подпишите, Азап Калиныч. Буду, как говорится, обязан.

ШУМЯКИН *(глядя на Коробова).* Чё делать-то?

КОРОБОВ. Как чего – подписывай.

ШУМЯКИН. Бились-бились, башку ломали, а тут раз – и на тебе! Само всё разрулилось.

ПОДГУЗЛО *(виновато).* Вы уж простите, Азап Калиныч, что я вас в такое положение... Я могу вам порекомендовать кандидатов вместо себя.

ШУМЯКИН. Не надо. Сами уж... *(Подписывает.)* Заберите своё заявление. Не хотел, конечно, вас отпускать, но насильно мил не будешь. Вот вам от меня лично!..

Шумякин достаёт с полки бронзовую фигурку Орфея с кифарой, сдувает с неё пыль и вручает уже бывшему художнику.

Это на память о нашем плодотворном сотрудничестве, так

сказать. Давайте обнимемся хоть!..

Подгузло и Шумякин обнимаются. У Подгузло начинают дрожать губы от волнения.

ПОДГУЗЛО. Спасибо, Азап Калинович!.. Я искренне тронут... Глубоко, так сказать...

В это время открывается дверь и появляется Любовь Васильевна с папкой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Вот как. И Николай Василич здесь.

КОРОБОВ. Всё, Николай Василич уже не здесь.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. То есть как?

ШУМЯКИН. Да, Люба, покидает родные пенаты наш замечательный худрук. Навсегда.

ПОДГУЗЛО. Увольняюсь, Любовь Васильевна.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А как же?.. *(Показывает на папку в руках.)*

КОРОБОВ. Давай сюда!

Любовь Васильевна отдаёт папку Коробову, но тут в кабинет заходит Семён с маракасами.

СЕМЁН. Ух ты, народу сколько!

ШУМЯКИН. Чего тебе, Семён Аркадич?

СЕМЁН. Да я вот по поводу бумаги своей пришёл... Ну, которую подписал тогда по пьяни.

КОРОБОВ. Семён, успокойся, никто бумагу твою не трогает. Она у меня. Вот, видишь? *(Поднимает бумагу над головой.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Семён Аркадич, никто вам плохого не сделает.

ШУМЯКИН. Мы тут осиротели, понимаешь, а он со своими бумагами...

СЕМЁН. Как осиротели?

ШУМЯКИН. Наш драгоценный Николай Василич решил нас покинуть.

ПОДГУЗЛО. Так что, Семён Аркадич, простите, ежели чего не так. *(Театрально кланяется ему в пояс.)*

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, такого человека теряем! *(Вытирает слезу.)*

ШУМЯКИН. Мда, такого днём с огнём!.. *(Обнимает Подгузло.)*

Открывается дверь и входит Карина. Она настроена агрессивно и воинственно.

КАРИНА. Я прошу прощения, что без стука, но ждать под дверью по полтора часа я тоже не собираюсь!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Карина Викторовна у нас,

как всегда, вовремя!

КОРОБОВ. На ловца и зверь бежит.

ШУМЯКИН. Карина Викторовна, если б вы только знали, как мы вас сейчас все вспоминали здесь! Скажи, Семён.

СЕМЁН. Карину Викторовну захочешь не забудешь.

ПОДГУЗЛО. Кстати, Азап Калиныч, если бы вы у меня спросили о кандидате на своё место, я бы обязательно сказал, что Карина Викторовна очень даже достойный, так сказать...

ШУМЯКИН. А я ваши мысли уже прочитал! Вы думаете, я зря, что ли, тридцать лет на руководящих постах работаю.

КАРИНА. Погодите, Азап Калиныч, я пришла к вам по серьёзному вопросу, по поводу своей бригады...

ШУМЯКИН. Карина Викторовна, дорогая! Зачем вам бригада? Мы вам собираемся всю филармонию вручить.

СЕМЁН. Опа! Интересная новость.

КАРИНА. Нашу филармонию? Ничего не понимаю.

ПОДГУЗЛО. Карина Викторовна, я решил, так сказать, покинуть свой пост...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. А вас мы уже давно все знаем.

КОРОБОВ. Общий язык всегда найдём. Ну, а если не найдём, будем водку пьянствовать! Шутка.

ШУМЯКИН. Так что, Карина Викторовна, принимайте фронт работ и – милости прошу к столу!.. *(Приглашает Ка-*

рину к столу.)

КАРИНА. Я не пью.

КОРОБОВ. Там надо с бумагами ознакомиться.

ШУМЯКИН. Кстати, сейчас Любовь Васильна подготовит пакет документов, вы...

ПОДГУЗЛО. Ей-богу, вы меня уж простите!.. Мне пора о здоровье подумать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. На пенсии надо по миру путешествовать... *(Кладёт перед Кариной стопку документов.)* Здесь у нас штатное расписание...

ШУМЯКИН. Любовь Васильна, Карина Викторовна ещё успеет ознакомиться. Надо бы вопрос с Семёном решить.

КАРИНА. Ну... Сразу трудно сказать...

КОРОБОВ. Карина Викторовна, скажешь увольнять – уволим по статье!

СЕМЁН. Да что же такое! Вы же сами сказали!..

КОРОБОВ *(Семёну, вполголоса).* Семён, не дёргайся, всё будет путём.

КАРИНА. Я рубить сплеча не собираюсь...

ПОДГУЗЛО. Я всегда говорил, Карина Викторовна тонкий дипломат и человечный, как это сказать...

ШУМЯКИН. Думаю, Евстахий Палыч обрадуется...

КОРОБОВ. Да уж. Напьётся с радости...

Звонит телефон и Шумякин поднимает трубку.

ШУМЯКИН. Да-да, Евстахий Палыч, мы вас все слушаем. *(Включает громкую связь.)*

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Ты Дугову худруком назначил?

ШУМЯКИН. А как же. Только подпись поставить.

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Отбой. В Москве новым зданием филармонии заинтересовались, Коробов там отлично всё расписал. Непонятно только, как его проект в Москве оказался...

ШУМЯКИН. Одобрили?

ГОЛОС ИЗ ТРУБКИ. Не то слово. Своего человека на моё место пришлют. И вместо тебя тоже. Так что пакуй чемоданы. Всё!.. *(Слышатся гудки.)*

ШУМЯКИН. Виталик, ты что же наделал, гад? Ты зачем проект в Москву отправил? Ты что, на моё место захотел?

КОРОБОВ. Азап, я не отправлял, ей-богу!..

ШУМЯКИН. А кто отправлял? Что, Люба отправляла, хочешь сказать?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА *(тушуясь)*. Это, конечно, безобразие!.. Просто бесстыдство. *(Многозначительно глядя на Семёна.)* Я бы сразу созналась.

СЕМЁН. Я у Любовь Васильны попросил посмотреть проект...

КОРОБОВ. Тебе-то зачем, Семён? Ты же там ни черта не поймёшь.

КАРИНА. Я попросила Семёна Аркадича.

СЕМЁН. Ну да, я должен был загладить свою вину после

срыва концерта. Тогда ещё в первый раз.

КОРОБОВ. Ага, после пьянки. (*Карине.*) А тебе-то за-чем?

КАРИНА. Все боялись, что вы отдадите площади в новой филармонии в руки частного капитала. Местным олигархам. Ну, и решили, что лучше будет проинформировать об этом Москву. Проголосовали на закрытом собрании, сделали копию и отправили...

ШУМЯКИН (*вне себя*). Идиоты! Дебилы! Клопы рояльные! Кто вам сказал, что в Москве живут архангелы, кто?! Да, у вас был свой угнетатель – я! Местное трепло, кому-то свой в доску, кому-то старый гоблин. А что теперь вам пришлют? Какого крокодила? Он ведь карманы себе набьёт, своих пригласит на денежные места. А вас всех бузотёров в муку смелет! И будет у вас не филармония, а музыкальный кружок при торговом центре и ресторане!

Снова звонит телефон, снова знакомое Trololo. Шумякин поднимает трубку рабочего телефона.

Да, Шумякин слушает... (*Прислушивается к тишине в телефоне, растерянно пожимает плечами.*)

Коробов показывает ему жестами, чтобы он включил громкую связь. Директор включает громкую связь. На другом конце провода слышится женский приглушённый смех и

какое-то шептание.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*полушёпотом*). Ну, говори уже... ты трубку держишь. Перестань уже!..

ШУМЯКИН. Азап Калиныч слушает.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ах да, прошу прощения. Тут дел невпроворот, сразу по трём линиям беседую. Вы вот что, Арап Гаврилыч, подготовьте всю документацию, балансик там... по филармонии. Чтоб без долгов всё... Принято решение провести у вас Универсиаду. Международную. Ну и в дальнейшем инвестировать в культурно-спортивную отрасль, в туризм...

ШУМЯКИН. Извините, а-а как?..

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Полное обновление кадрового состава наверху. С простым народом разберёмся на месте. В общем, ждите. Аслан Кимыч, да?..

ШУМЯКИН. Мм...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Всего доброго.

На том конце провода кладут трубку.

ШУМЯКИН. Всё...

КОРОБОВ. Кина не будет...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА. Божички мой...

СЕМЁН. Напиться, что ли...

КАРИНА. Напейся.

ПОДГУЗЛО. Мда, бились-бились – и на тебе!

Так же как и в конце первого действия человеческие фигуры превращаются в тени среди сумрака кабинета. Правда, они уже не барахтаются, как мухи, которых бросили в банку с водой, теперь они стали неподвижны, будто их засушили и плотно закрыли крышкой. Свет гаснет.

ЗАНАВЕС